

№ 9.

ИГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. ВЕЙЗМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. 6 р. — к.
 безъ дост. 5 > — >
 На полгода. 3 > 50 >
 На три мѣсяца. 2 > — >

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Иванъ Купала. Продолженіе. Н. Сорокинъ. — II. Царь-Морозъ. Сказка. Окончаніе. А. Лукьяновскій. — III. Нашъ Югъ. Окончаніе. С. Лаврентьева. — IV. Дѣти цирка. Окончаніе. А. С.

ИВАНЪ КУПАЛА. *)

(Отрывокъ изъ „Моего прошлаго“).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Въ особеннымъ озлобленіемъ и страхомъ глядѣлъ я, когда между вершинами деревьевъ показывался большой коршунъ или ястребъ, и медленно двигая крыльями, описывая большіе круги въ воздухѣ, плавно носился надъ моей головою. Все въ лѣсу вдругъ умолкало. Кукушка

*) См. №№ 6, 8 „Игрушечки“, 1881 года.

и горлинка притаились, онѣ видятъ своего врага... Снопъ солнечныхъ лучей, прорвавшись сквозь листву, сверкнулъ на спинѣ хищника—ясно обрисовалась его круглая голова, большой крючковатый носъ, поджатые сильныя ноги... Коршунъ плавно направляется къ нашему двору, гдѣ, вѣроятно, рассчитываетъ полакомиться желтенькими, маленькими гусятами, которыхъ только что выпустили на свѣтъ Божій. И представляется мнѣ, какъ уже бѣдный, попавшійся въ когти, птенецъ бьется, стараясь вырваться... и я кричу во все горло— „шугу... шу-гу!“ подпрыгивая и махая шляпой...

— Нельзя такъ громко кричать! слышу я голосъ Амалии Васильевны, это неприлично!

Остается слѣдить только глазами, куда полетитъ птица, пока она не скроется изъ виду.

Но не всегда лѣсъ представлялся полнымъ жизни. Наступала осень. Одинъ за другимъ покидали свои вѣзда мои знакомцы. Длинными вереницами или густыми облачками пролетали птицы надъ нашимъ домомъ. Пѣніе, воркованье—прекращалось. Только грачи носились черною сѣткой надъ лѣсомъ, только ихъ неуклюжія жилища торчали на вѣткахъ. Желтѣли и краснѣли листья. Чаше перепадаль дождь, налетали ураганы... Вотъ уже наступила и слякоть; лужи передъ крыльцомъ, передъ балкономъ, цѣлыя моря въ цвѣтникахъ. Вѣтеръ безжалостно треплетъ засохшіе цвѣты, голыя вѣтки стучать въ окна...

Съ радостью дождались, наконецъ, нѣсколькихъ свѣтлыхъ осеннихъ деньковъ. Морозъ высушилъ сырую землю. Я съ Костикомъ побѣжалъ въ лѣсъ. Но, Боже мой, какъ грустно выглядываютъ мои любимцы—дубы, о густой, зеленой шапкѣ, подъ которой было такъ прохладно въ лѣтній зной, нѣтъ и помину, сухіе, съезженные листья пучками торчатъ на почернѣвшихъ сучьяхъ. Въ лѣсу стало видно на далекое разстояніе, онъ какъ будто меньше сталъ. Вонъ краснѣетъ рябина, вонъ блеститъ бѣлый стволъ старой березы, серебрянымъ, сѣрымъ оттѣнкомъ отличается приземистая осина, а

тамъ на горизонтѣ, гдѣ синѣетъ между деревьями чистое небо, точно кружевные стоятъ молодые побѣги березокъ, еще покрытые оранжевой, желтой, золотистой листвою. Изъ-за сухой, высокой травы, гдѣ мы пролѣзали къ крапивнику, подымается, какъ красный огненный шаръ, верхушка дикой груши; она уютно помѣстилась въ оврагѣ, въ затишьѣ и выглядываетъ оттуда, точно съ любопытствомъ присматривается къ незнакомой обстановкѣ. Яркое, но холодное осеннее солнышко освѣщаетъ длинными косыми лучами все это разнообразіе оттѣнковъ и красокъ; каждый предметъ выдѣляется рѣзко и отчетливо.

По дорожкамъ, устланнымъ толстымъ слоемъ опавшей листвы, возвращаемся домой. Тамъ идетъ суматоха. Вставляютъ зимнія рамы. Въ комнатахъ становится темнѣе, невольная тоска, безпричинная грусть крадется въ сердцѣ...

Пролетитъ еще нѣсколько времени и затопятъ печи. По всему дому пойдетъ трескотня сырыхъ дровъ. Въ дѣтской всѣ мы—братья и сестра—усаживаемся на полу передъ огнемъ и, щурясь, любуемся на огненные языки, на причудливую форму полусгорѣвшихъ полѣньевъ... Старая няня взбирается на лежанку и сосредоточенно вяжетъ нескончаемый чулокъ. Не успѣешь наговориться другъ съ другомъ, только что расположишься послушать въ двадцатый разъ сказку объ Иванѣ царевичѣ, единственную, какую только знала Анфиса-ключница, какъ ужъ Амалія Васильевна зоветъ къ себѣ въ комнату и засаживаетъ читать послѣдній номеръ „Gartenlaube“. Сальная свѣча нагараетъ, вѣтеръ свиститъ въ трубѣ, статья не интересуется и собственный голосъ начинаетъ убаюкивать... Нѣмка замѣчаетъ, что я спать хочу и заставляетъ читать молитву на сонъ грядущій.

На другой день—неожиданная радость! выпалъ снѣгъ. То есть радость заключается въ томъ, что наступаетъ новый рядъ препровожденія времени, но за то ужъ лѣсъ на долго остается для меня недоступнымъ. Глубокій снѣгъ мяг-

кимъ покровомъ устлалъ дорожки, убралъ хлопьями дерева... Еще нѣсколько мятелей и все завалится сугробами... Въ длинныя ночи слышится вой волковъ. Они подходятъ даже къ нашему дому, гуляютъ по балкону. Собаки рвутся на цѣпяхъ, цѣлая стая дворняшекъ, поджавши хвостъ, въ почтительномъ отдаленіи, жалобно лаеетъ и взвизгиваетъ на всѣ голоса...

Какой-то страхъ нападаетъ на меня при этомъ, и я плотнѣе закутываюсь въ одѣяло, робко прислушиваюсь къ заунывнымъ звукамъ чугунной доски, въ которую бьетъ каральщикъ.

Если лѣсъ для меня остается недосыгаемымъ, то прудъ становится очень привлекательнымъ. Костикъ запрягается въ салазки, я сажусь въ нихъ поудобнѣе, подбираю ноги, и мы мчимся по гладкому скользкому льду. Амаля Васильевна въ синей шубкѣ и сѣромъ пуховомъ платкѣ важно гуляетъ тутъ же и наблюдаетъ, чтобы мы „не дѣлали глупостей“. Такія прогулки повторяются ежедневно, и я возвращаюсь домой красный, съ посинѣвшимъ носомъ и полузамерзшими пальцами рукъ. Конечно, объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ—никому ни слова, иначе достанется.

За то, съ какимъ восторгомъ начинаю я замѣчать приближеніе весны! Снѣгъ таетъ, показываются проталинки, шумные ручьи текутъ съ горъ, прудъ посинѣлъ и вздулся... Съ каждымъ днемъ зима уходитъ все дальше и дальше! Ужь въ воздухѣ какъ-то иначе пахнетъ, вѣтерокъ точно ласкается... Вотъ посвистываютъ синицы, прилетѣли грачи... Опять оживился лѣсъ... Придетъ свѣтлый праздникъ, просохнетъ немного по дорожкамъ, и я опрометью бѣгу къ недостроенной бесѣдкѣ. Изъ-подъ снѣга вылѣзаетъ голубая пролѣска, ея два зеленые листика весело качаются... Прикрывшись голымъ еще кустомъ бузины, цвѣтетъ лиловый земляной дымъ, желтѣетъ птицемлечникъ, растетъ цѣлая семья вѣтреницъ... Всѣ эти ранніе гости срываются мною поспѣшно и съ торжествомъ относятся къ Ама-

ли Васильевнѣ, которая помѣщаетъ ихъ въ стаканъ съ водою и ставитъ на нашъ классный столъ.

Еще недѣлька, другая, и лѣсъ зазеленѣеть, заблеститъ свѣжими, молодыми листиками, какъ снѣгомъ уберется цвѣтами дикой груши, сливъ, яблонь... Ароматъ стоитъ въ воздухѣ. Вотъ и мои дубы зашумѣли по прежнему, опять начинаю я съ ними бесѣдовать, опять все пошло по старому.

Таковъ былъ лѣсъ, охватывающій нашу усадьбу съ трехъ сторонъ. Однако, если онъ и имѣлъ значеніе немаловажное для меня въ смыслѣ какого-то царства, обитаемаго существами, жизнь которыхъ мнѣ была понятна, въ немъ скрывалось еще нѣчто другое, совершенно для меня непонятное. Это „нѣчто“ состояло въ какихъ-то чудесахъ, таинственности, явленіяхъ сверхъестественныхъ, извѣстныхъ всѣмъ и каждому, кромѣ меня. О нихъ часто рассказывали, сообщали факты, но объяснить ихъ я не умѣлъ.

Прислушиваясь къ повѣствованіямъ отца, я слышалъ часто, напримѣръ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ деревьями, обыкновенно ночью, вдругъ загорится свѣча; погорить, погорить она немного, да и погаснетъ, потомъ снова вспыхнетъ... Хотя это объясняли присутвіемъ въ нашемъ лѣсу кладовъ, но подобное объясненіе наводило меня на цѣлый рядъ вопросовъ. Становилось въ высшей степени интереснымъ: кто и когда закапывалъ клады, т. е. котелки съ деньгами? для какой цѣли совершались подобныя дѣянія? Причемъ тутъ вспыхивающая свѣчка? Является ли въ видѣ огонька душа закопавшаго, или же душа зажигаетъ нашу обыкновенную свѣчу?

Всѣ эти вопросы я рѣшилъ во что бы то ни стало разрѣшить. Какихъ бы трудовъ и страховъ это ни стоило, но я далъ клятвенное обѣщаніе, при первомъ же удобномъ случаѣ, какъ только услышу о появившемся таинственномъ огонькѣ—отправиться въ лѣсъ.

Между тѣмъ время шло. Промелькнула чудная весна, наступило жаркое лѣто.

Однажды, когда я отправился спать въ свою комнату, отецъ заявилъ мнѣ:

— Смотри же, учиcь завтра хорошенько... Если не будетъ дождя, вечеромъ пойдемъ смотрѣть на Купалу.

— Неужели? развѣ завтра Иванъ Купала?

— Да. Ужъ на прудъ готовятся. Костры будутъ отличные.

Я съ восторгомъ ушелъ изъ гостиной и, какъ слѣдовало ожидать, ни на-волосъ не заснулъ въ продолженіи всей ночи.

— Такъ какъ было уже рѣшено узнавать неизвѣстное, думалось мнѣ, то вотъ прекрасный случай начать съ разрыва-травы. Утромъ сбѣгаю въ лѣсъ, выберу кустъ папоротника, замѣчу хорошенько, гдѣ онъ растеть, и въ слѣдующую ночь отправлюсь караулить, когда онъ разцвѣтетъ.

Когда я пришелъ къ такому рѣшенію, солнце уже встало. Изъ лѣса неслоcь пѣніе птицъ, карканье грачей... Отяжелѣвшія вѣки закрылись, и я заснулъ.

На другой день я спѣшилъ ужасно покончить съ своими уроками и едва только Амалія Васильевна поставила мнѣ по пятеркѣ въ „журналъ“, бросился въ лѣсъ.

Стоялъ удушливый день. Деревья молчаливо дремали въ раскаленномъ воздухѣ. Большія, бѣлыя облака громоздились на небѣ.

Быстро пошелъ я къ недостроенной бесѣдкѣ, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, пошарилъ кругомъ между кустами, отыскивая папоротникъ и долженъ былъ идти далѣе, такъ какъ желанной травы по близости не оказалось.

Надо было спуститься въ оврагъ, свернуть съ дорожки и углубиться въ чашу. Пришлось, однако, не очень долго пробираться между травой, такъ какъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ зеленаго столика и скамейки, поставленныхъ на просторной полянкѣ, подъ развѣсистымъ дубомъ, раскидывались изящные разрѣзные листья „разрывъ-травы.“ Ночью сбиться съ дороги, стало быть, не предстояло возможности.

Я принялся разсматривать растеніе. Нижняя поверхность зеленыхъ красивыхъ пластинокъ папоротника была усажена коричневатыми возвышеньицами; въ самой срединѣ кустика торчали молодые листья, завернутые пушистымъ колечкомъ или, скорѣе, локономъ, но—какой-нибудь цвѣточной почки не было и слѣда.

— Какъ же это онъ разцвѣтетъ? неужели почка такъ быстро вырастаетъ? спрашивалъ я самъ себя.

Замѣтивши хорошенько мѣсто, пересчитавши даже число шаговъ, отдѣляющее кустъ отъ столика и дорожки, я направился домой, гдѣ меня уже ожидали съ обѣдомъ.

Въ залѣ разставленъ былъ столъ. За нимъ усаживались обыкновенно отецъ и мать по угламъ, на хозяйскихъ мѣстахъ, а на правой и лѣвой сторонахъ—мы, дѣти, и Амалья Васильевна. Гувернантка помѣщалась около матери, а я около отца. Маленькіе братья важно возсѣдали на высокихъ креслицахъ и бывали подъ надзоромъ сестры.

Когда мы усѣлись на свои мѣста, когда Костикъ принялся отмахивать отъ насъ мухъ большой вѣткой сирени, и когда отецъ разлилъ всѣмъ горячее, разговоръ зашелъ объ Иванѣ Купалѣ.

— Итакъ мы идемъ сегодня на прудъ? спросила мать.

— Непремѣнно, неpremѣнно! закричалъ я громко, что особенно не понравилось нѣмкѣ,—она нахмурила брови и покачала головой.

— Не знаю только удастся ли праздникъ вполнѣ, замѣтилъ отецъ. Тучи по небѣ ходятъ, какъ бы дождя не было.

Всѣ обернулись къ окнамъ и начали разсматривать тяжелыя облака, которыя заволакивали горизонтъ.

— А можетъ быть дождя и не будетъ! прошептала сестра, точно велухъ подумала.

За послѣднимъ блюдомъ я нарочно затѣялъ споръ о папоротникѣ съ гувернанткой. Она отрицала справедливость общаго мнѣнія о томъ, что онъ цвѣтетъ, и говорила, что это растеніе принадлежитъ къ безцвѣтковымъ.

— А какъ же онъ разводится? спросилъ отецъ, который относился всегда съ недоувѣрiемъ къ научнымъ фактамъ.

— Съменами, отвѣтила Амалья Васильевна. Только съмена у него не такъ построены какъ у цвѣтковыхъ растеній, и собраны они въ красивыя кучки, находящiяся на нижней поверхности листьевъ.

— Ну, это по ученому такъ, заявилъ отецъ. Мы этого ничего не знали, когда учились, а учились на мѣдные грошны, вамъ и книги въ руки.

Мнѣ тоже не хотѣлось отрѣшиться отъ мысли, что „разрывъ трава“ такая необыкновенная вещь и что есть возможность ночью увидѣть огненный заколдованный кусть.

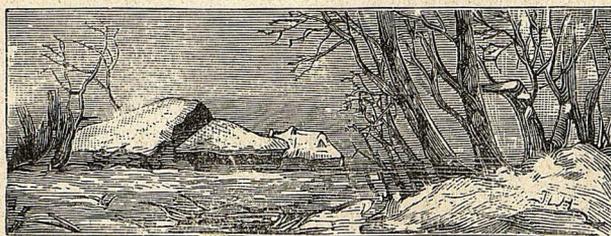
— Погодите-ка, думалъ я самодовольно улыбаясь, ужъ покажу я всѣмъ свой огненный цвѣтокъ! такихъ чудесъ съ нимъ понадѣлаю!

Кончился обѣдъ. Начался длинный промежутокъ времени между послѣднимъ кушаньемъ и вечеромъ! за что я ни брался— все вываливалось изъ рукъ, даже думать о чемъ-нибудь— не могъ логично и послѣдовательно. Мечты заносили меня Богъ знаетъ куда и скоро мнѣ даже самому стало досадно:

— Чего тутъ мечтать! Все устроится, когда въ рукахъ будетъ цвѣтокъ. Да и будетъ-ли, наконецъ, онъ? достану-ли его? вѣдь много страховъ и искушенiй, какъ говорятъ, придется испытать. Хватить-ли на все это моей рѣшимости и храбрости?

Н. Сорокинъ.

(Продолженiе будетъ).

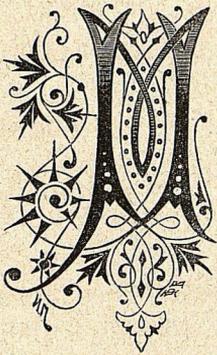

ЦАРЬ-МОРОЗЪ.*)

(Народная сказка).

(Посвящается моему пріятелю—Зинѣ Савиской).

(Окончаніе).

ВЪ ТѢМЪ ВЪ НАТОПЛЕННОЙ ИЗБУШКѢ,
На печкѣ теплоѣ на подушкѣ
Старуха день-деньской лежитъ
И все на старика брюзжить,
Крехтя, зѣвая во весь ротъ:
„Что хнычешь?... И чего ты ждешь?...
Морозъ такой, что до воротъ
Теперь безъ шубы не дойдешь!

Хоть ты жалѣй, хоть не жалѣй—
Морозъ—не тѣтка: въ эту ночь
Навѣрняка прихлопнулъ дочку!...
Что сталь?.. одѣнься потеплѣй,—
Хоть мертвую вези домой!..
Коли ее не схоронить—
Сосѣди стануть насъ бранить!...
Неужто ѣхать мнѣ самой?“
И зла была, да и хитра!—
Старикъ уѣхалъ; со двора
Его за дочкой проводивши,
Ворча по дому побродивши—

*) См. № 8 „Игрушечки“, 1881 года.

Старуха занялася съ Жучкой,—
Съ ней нянчилась она, какъ съ внучкой.
„Скажи, собаченька, скажи,
Ну, милая, поворожи:
Замерзла-ль гадкая иль нѣтъ?
Постыль мнѣ съ нею бѣлый свѣтъ!“
А Жучка куца „тявъ, тявъ!...
Ты эти выдумки оставь!...
Была худа—и пополнѣла;
Была дитя—и стала старше;
Была красива—стала краше,
Была умна—и поумнѣла;
А платье такъ идетъ къ лицу,
Что хоть сейчасъ веди къ вѣнцу!
Ее и въ церковь ужъ ведутъ,
Твою же дочку—въ гробъ кладутъ!“
Не въ бровь, а прямо въ глазъ попала!“
„Ахъ, чтобъ—ты, мерзкая, пропала!“
И ну пьрять ее ногой,
И помеломъ, и кочергой.
„Забью до смерти!“ словно звѣрь
Рычитъ старуха. Жучка въ дверь,—
Поймала, бѣдную, въ сѣняхъ,—
Ну колотить ее!... какъ воръ,
Скользнула Жучка вонъ на дворъ;—
За ней и злока... Что-жъ? въ саняхъ—
Глазамъ не вѣрить, столбенѣть,
Съ испуга, словно платъ, блѣднѣть:
Сидитъ румяна, бѣлолица,
Какъ пава, красная дѣвица!
Старикъ отецъ—смѣется, плачетъ;
А Жучка и визжитъ, и скачетъ,
Себя не помня, вокругъ саней
На заднихъ лапкахъ передъ ней.
Такого никогда конца

Не ждала старая... съ крыльца
Въ припадкѣ хлопнулась, какъ снопь...
До крови раскроила лобъ,
Едва не вывихнула руки;
Скрышитъ отъ бѣшенства зубами,
И пѣна изо рта клубами!..
Какія злость приносить муки!
Утихъ припадокъ. Какъ рехнувшись,
Старуха на снѣгу сидитъ,
Глазами мутными глядитъ
И, охая, дрожитъ согнувшись.
А наша добрая душа
Въ слезахъ на помощь къ ней спѣшитъ,—
Подходитъ, за руку беретъ,
Виски и лобъ ей снѣгомъ третъ,
Ласкаетъ и, не помня зла,
Ей говоритъ: „Я привезла
Вамъ всѣмъ подарки; гдѣ-жъ сестрица?“—
„Тебѣ на что она?...“ какъ псица
Въ отвѣтъ на ласковую рѣчь,
Старуха кашляя рычитъ...
И поплелась къ себѣ на печь.
Но тутъ старикъ какъ закричитъ:
„Смотри, старуха!... эй, смотри!..
Вишь Богъ послалъ какое чудо!..
Покайся лучше!... не дури!..
Не то—посмотришь—будетъ худо!—
Ты, доченька, иди въ избу;
Благословилъ твою судьбу
Господь за кротость милосердный!
Прости старуху и меня!..
Иди; я обряжу коня.“—
Старикъ къ хозяйству былъ усердный.

Прошли за днями дни, недѣли
 Съ тѣхъ поръ какъ дома сирота,—
 Теперь ей жизнь уже не та:
 Надоѣдать уже не смѣли;
 И днемъ, и ночью брань треща,
 Старуха съ дочерью съобща;
 Живетъ она въ дому, какъ гость;
 И хотъ на падчерицу злость
 По прежнему въ груди кипитъ—
 Молчитъ старуха,—лишь сопитъ,
 Нахмурившись на цѣлый свѣтъ,
 Въ углу забившись на печи:
 Теперь ей прежней воли нѣтъ,—
 Что хочешь думай, а молчи!

* * *

Стоитъ по прежнему зима.
 Но не нуждается, какъ прежде,
 Старикъ ни въ хлѣбѣ, ни въ одеждѣ.
 Все дочь родная: и сама
 Одѣта, словно вешній цвѣтъ,
 И одарила всѣхъ родныхъ
 Изъ двухъ ларей заповѣдныхъ.
 Ни въ чемъ нужды въ хозяйствѣ нѣтъ;
 Добра домъ полонъ, словно чаша.
 Богата всѣмъ невѣста наша,
 Красавица—само собою—
 Отъ жениховъ ей нѣтъ отбою.
 Какъ червь старуху зависть гложетъ;
 Изсохла; скоро занеможетъ;
 Нахмуясь, какъ сова, сидитъ
 И старику одно твердитъ:
 „Дуракъ ты, какъ и прежде былъ,—
 Совсѣмъ про дочь мою забылъ;
 Неужто въ дѣвкахъ ей пропасть?...
 Вотъ привязалася напасть—

Царевна эта!—за грѣхи
Господь насъ ею наказаль;—
Всѣ такъ и льнуть къ ней женихи,
А ты—хоть слово бы сказалъ!..
Ну,—Богъ съ тобой! скорѣй иди,
Да запрягай! и въ эту ночь—
Свези мою родную дочь:
На томъ же мѣстѣ посади,
Гдѣ и твоя была... да ну-же!..
Моя вѣдь дочь ничѣмъ не хуже!“
Хотѣлъ старикъ ее унять,—
Да гдѣ ему!.. такой поднять
Она успѣла шумъ и гамъ,
Что цѣль едва остался самъ.
Хоть и сердилася до слезъ
Старухи дочь, а всежь отвезъ
Онъ въ поле на саняхъ бѣднягу,
Да тамъ и бросилъ, какъ бродягу.

* *
*
*
*

Не занялась еще заря
На утро, какъ уже старуха,
Вся нетерпѣніемъ горя,
Твердитъ: „Теперь моя воструха
Уже красива и богата,
И счастлива, и таровата—
Вставай!.. проснися, старый пень!
Да запрягай! ужъ скоро день!
Что сталъ!.. одѣнься потеплѣй,
Да привези её домой!
Въ дорогѣ клячи не жалѣй,
Хоть загони совсѣмъ её—
Мнѣ жалко дѣтище своё!..
Неужто ѣхать мнѣ самой!..“
Старикъ уѣхаль. Снова Жучку
За лапку взявши, какъ за ручку,

Старуха просить: „Ну, скажи!..
 Мнѣ и терпѣть уже не въ мочь!
 Ну, милая, поворожи:
 Что ждетъ мою родную дочь?“
 А Жучка куцая: „тявь-тявь!..
 Всѣ выдумки свои оставь!
 Красавицу вѣнчать везуть,
 Твою же дочку—въ гробъ кладуть!..
 Сказала—и едва успѣла
 Забиться въ уголь подъ столомъ,
 Какъ ядомъ старая вскипѣла:
 И бьетъ, и тычетъ помеломъ!..
 Ну, плохо дѣло!.. Жучка въ дверь:
 „Нѣтъ, не прощу! убью теперь!..
 И, чтобъ уйдти отъ казни злой—
 Скокъ—Жучка! и на дворъ стрѣлой!—
 За ней стремглавъ и злока!.. что-же?..
 Въ саняхъ, покрытая рогожей—
 Замерзшая родная дочь!..
 Стоить и горько отчимъ плачетъ,
 И Жучка не визжить, не скачетъ,
 А воеетъ жалобно!—„Прочь!.. прочь!..
 Вонъ съ мертвечиной со двора!
 Я дочку жду!.. уже пора,
 Давно пора пріѣхать ей!..
 И дикимъ звѣремъ завывая,
 Кричить и тащить изъ саней
 Родную дочь, не узнавая!—
 Несчастливая съ ума сошла!—
 Жила недолго: смерть пришла,
 Скосивши дочь, за нею тоже.
 Прости имъ, милосердый Боже!—
 Оплакавъ мертвыхъ, погрустивъ,
 Отъ сердца имъ все зло простивъ,
 Осталася съ отцомъ одна,

Опять по прежнему бѣдна,
Сиротка наша; что имѣла
Все раздавала,—не умѣла
Отказывать ни въ чемъ другимъ;
Деньгами, платьемъ дорогимъ—
Насколько лишь хватало силъ—
Всѣмъ помогла кто ни просилъ!
Но, обѣднѣвши, унывать
Не думала. И грѣхъ назвать
Ее лѣнивою неряхой:
И рукодѣльницей, и пряхой
Недаромъ же въ селѣ слыла,—
Лихой работницей была!
Старикъ совсѣмъ ужъ одряхлѣлъ,
Но отъ ухода и отъ ласки
Родной своей—повеселѣлъ?
Зажили оба безъ опаски,
Какъ будто народились снова;
Ни одного дурнаго слова
Чужіе въ домѣ не слышали,—
Отъ брани оба отдыхали!
Одни прожили бѣ цѣлый вѣкъ,
Да такъ ужъ созданъ человекъ,
Что коль пришла твоя пора—
Ступай невѣста со двора—
Иди въ замужество скорѣй!—
Тожъ было и съ сироткой нашей:
И не видать невѣсты краше;
И не видать жены добрѣй!
Старикъ теперь ужъ не одинъ:
На солнышкѣ, какъ господинъ,
Онъ, отдыхая вмѣстѣ съ Жучкой,
Играетъ съ маленькою внучкой.
И внучка, вылитая мать,
Все рано стала понимать;

На дѣдушку уставя глазки,
Не шелохнется, если сказки,
Съ ней няньчась, сказывать начнетъ—
Сидить, молчить и не мигнетъ.
И эту сказку, тѣпась съ ней,
Не разъ рассказывалъ онъ ей;
А я подслушалъ, да сейчасъ
И записалъ её для васъ.

А. Лукьяновскій.

НАШЪ ЮГЪ. *)

VI.

ОКОНЧАНИЕ.

ВИНОГРАДНОЕ лечение начинается съ того, что больной съѣдаетъ въ первый день полъ-фунта винограда и затѣмъ, прибавляя по полу-фунту каждый день, доходитъ до того, что съѣдаетъ въ день до восьми, десяти и даже по пятнадцати фунтовъ. Дойдя до вышшаго назначеннаго количества, начинаетъ убавлять по полу-фунту на день и завершить лечение полу-фунтомъ. Во время леченья запрещается ѣсть все жирное, тяжелое, молочное, сырую зелень и фрукты. Съ увеличеніемъ количества винограда, количество пищи уменьшается и доходитъ до одного бульона. Шелуху ягодъ и косточки надобно выбрасывать изо рта,—онѣ вредны.

Для винограднаго леченья лучшими сортами винограда считается въ Крыму рислингъ и шасла.

Когда виноградъ весь поспѣлъ, кисти срѣзаютъ безъ остатка и въ большихъ корзинахъ переносятъ въ виноградѣльню, гдѣ стоятъ прессы и прочія принадлежности.

Выдѣлка вина бываетъ различна; особая для винъ бѣлыхъ и особая для красныхъ, также для сладкихъ или ликерныхъ. Бѣлыя вина требуютъ меньшей обработки. Бѣлый виноградъ,

*) См. № 8 „Игрушечки“, 1881 года.

по отдѣленіи ягодъ отъ стебельковъ, тотчасъ же кладется подъ прессъ и выжимается, получаемый сокъ вливается въ бочку, гдѣ спустя 10—12 часовъ образуется осадокъ, жидкость сливается съ осадка въ другую бочку, гдѣ вино начинаетъ бродить, т. е. устаиваться и пріобрѣтаетъ крѣпость.

Красныя вина требуютъ большихъ хлопотъ. Ягоды ихъ, прежде чѣмъ поступить подъ прессъ, протираются особыми щетками на рѣшетчатой крышкѣ кадки; потомъ ихъ слегка раздавливаютъ и наполняютъ ими чанъ. Вся эта масса бродитъ въ чану въ продолженіи 10—12 дней, причемъ ежедневно ее мѣшаютъ. Отъ пребыванія сока съ шелухою ягодъ вино получаетъ болѣе темный цвѣтъ. Затѣмъ жидкость переливаютъ изъ чана въ бочку, оставшуюся же массу ягодъ снова кладутъ подъ прессъ и выжатую изъ нихъ жидкость мѣшаютъ съ прежней.

Послѣ этого, какъ бѣлыя, такъ и красныя вина оставляютъ въ покоѣ до декабря или января. Тогда происходитъ первая переливка. Переливаютъ жидкость въ другую бочку, это очищаетъ вино отъ дрожжей или осадка. Въ мартѣ мѣсяцѣ вино переливаютъ во второй разъ и въ третій—въ сентябрѣ. Послѣ второй переливки вино очищаютъ, большею частію рыбьимъ клеемъ, его распускаютъ въ холодной водѣ или винѣ, процеживаютъ черезъ тряпку и вливаютъ въ бочку съ виномъ. Какъ переливка, такъ и очистка винъ производится въ прохладную погоду.

Ликерныя вина или сладкія *) приготавливаются сложнѣе. На виноградѣ, назначенномъ для ликерныхъ винъ, сощипываютъ листья, прикрывающіе ягоды, потомъ прикручиваютъ ножку кистей, для того чтобы ягоды завяли, превратились въ изюмъ и были болѣе сладки, нежели сочны. Самое вино изготовляется съ большимъ тщаніемъ. Ягоды отъ стебельковъ сощипываютъ пальцами, а недозрѣлыя отбираютъ прочь. Раздавивъ ягоды въ кадкѣ, оставляютъ всю массу на 18 или 24

*) Крѣпкія вина называются тоже сухими.

часа въ покоѣ, чтобы въ этой тѣстообразной массѣ ягоды немного размягчились, полупресохлая ягоды придаютъ вину лучшей букетъ или запахъ. По прошествіи сутокъ масса кладется подъ прессъ для выжиманія. По очищеніи жидкости отъ осадка, ликерныя вина подвергаются гораздо болѣе частой переливкѣ, чѣмъ сухія. Очищаются тоже рыбьимъ клеемъ.

Разливаютъ вино въ бутылки не раньше года. Вообще раньше года вино не употребляется, да и годовалое-то цѣнится не высоко. Черезъ два года вино готово къ употребленію; но чѣмъ долѣе оно стоитъ, тѣмъ становится лучше и цѣнится выше. Очень важно въ винодѣліи содержаніе дубовыхъ бочекъ,—задолго до начала винодѣлія бочки выпариваютъ горячей водой и окуриваютъ сѣрой.

Каждое вино носитъ названіе того винограда, изъ котораго оно сдѣлано. Выжимкою сока для вина дѣло съ виноградомъ еще не кончается: въ его шелухѣ и косточкахъ остается самая спиртуозная часть жидкости—поэтому изъ нихъ гонятся водка и спиртъ, изъ выжимокъ добывается кремертарторъ и краска ярь мѣдянка.

— Ну, вотъ мы и покончили съ виноградомъ; пора и домой, къ завтраку; вонъ и Иванъ Андреичъ зазвонилъ въ колоколь, зоветъ къ завтраку и рабочихъ.

Мы поднимаемся изъ нашей душистой тѣни и направляемся къ дому. На небольшой лужайкѣ лѣсочка, освѣщенной солнцемъ, изъ-подъ нашихъ ногъ взлетаютъ цѣлыя стаи кузнечиковъ, блестя на солнцѣ ярко-голубыми, свѣтло-зелеными и алыми прозрачными крылышками, окаймленными черной каймой. Быстро перелетая съ одного мѣста на другое, они поднимались довольно высоко. Иногда между ними тяжело пролеталъ богомоль, съ длиннымъ, неуклюжимъ тѣломъ, ярко-зелеными крыльями, большими, выпуклыми глазами и широкими, длинными передними лапами, которыя онъ, садясь, складываетъ, будто становится на молитву, за что его и прозвали богомолемъ. Въ сущности

же это прехитрое насѣкомое, которое, смиренно сложивъ свои лапки, высматриваетъ не прокрадывается ли гдѣ, вблизи, беззаботная муха или какая мошка и внезапно хватаетъ ее, насаживая на острые шипы своихъ лапъ и, быстро съѣвъ, снова принимаетъ свое молитвенное положеніе.

По виду на него похоже другое насѣкомое, называемое фазма или чертова лошадка; только ноги его не такъ длинны, какъ у богомола, а головка напротивъ длиннѣе и украшена длинными рожками. Оно питается растеніями. Далѣе, на песчаномъ склонѣ, бѣгали маленькіе, длинноногіе жуки-пилюльщики, прозванные такъ оттого, что кладутъ свои яички въ шарики изъ разныхъ землистыхъ веществъ и перекатываютъ эти шарики на солнечныя мѣста до тѣхъ поръ, пока изъ находящагося въ нихъ яичка выйдетъ новый жучекъ. Въ песокѣ виднѣлись круглыя дырочки, обозначавшія гнѣздо паука—тарантула, укушеніе котораго ядовито. Онъ чернаго цвѣта съ мохнатыми ножками и самъ кажется мохнатымъ оттого, что носить на своей спинѣ множество крохотныхъ дѣтенышей.

У дома насъ встрѣтилъ Нанай, весело виляя хвостомъ. Онъ пользовался свободой до полного созрѣнія винограда. Когда же виноградъ поспѣетъ, тогда всѣхъ собакъ привязываютъ на виноградникахъ, подлѣ шалаша сторожа; во-первыхъ, для того, чтобы на виноградникъ не пробрались воры, а во-вторыхъ, чтобы онѣ сами не поѣдали винограда, до котораго всѣ крымскія животныя, и въ особенности собаки—большіе охотники! Однѣ кошки не ѣдятъ винограда, коровы же и лошади очень любятъ даже и шелуху винограда, онѣ отъ нея жирѣютъ, уже не говоря о птицахъ, какъ домашнихъ,—которыя, чуть не досмотрятъ, тотчасъ прокрадываются на виноградники, — такъ и о перелетныхъ, которыхъ тогда множество стрѣляютъ. Особенно любятъ виноградъ перепела, прилетая его клевать среди ночи. За ними охотятся съ огнемъ; для чего въ особые шары, изъ проволоки, придѣланные къ длиннымъ палкамъ, кладутъ щепки

сухаго дерева крымской сосны, называемаго чурой и зажигаютъ ихъ. Яркій свѣтъ чуры такъ пугаетъ птицу, что она совсѣмъ теряется и тогда перепеловъ хватаютъ просто руками. Перепела, наѣвшіеся винограда, очень жирны и вкусны.

С. Лаврентьева.

ДЪТИ ЦИРКА. *)

Разсказъ Сенкевича.

(По польскому оригиналу).

ОКОНЧАНИЕ.

ТАКЪ, сидя оба въ полосѣ свѣта, Орсо и Дженни разговариваютъ вмѣсто того, чтобы упражняться въ новыхъ прыжкахъ. Конь стоитъ на аренѣ и сучаетъ. Дженни, прислонившись личикомъ къ плечу Орсо, устремивъ въ пространство задумчивый взоръ, болтаетъ ножками, а ея маленькая головка сильно работаетъ надъ вопросами: какъ пойдетъ ихъ жизнь въ пустынь? какъ все это устроится.

— А гдѣ же тамъ жить? спрашиваетъ она, поднявъ глаза на товарища.

— Тамъ множество дубовъ. Возьмемъ топоръ и построимъ себѣ домъ.

— Хорошо—отвѣчаетъ Дженни—а пока домъ не будетъ построенъ?

— Тамъ всегда тепло. Охотникъ на медвѣдей говоритъ, что тамъ очень тепло.

Дженни начинаетъ сильнѣе болтать ножками, какъ бы въ знакъ того, что если тамъ тепло, то ей больше ничего и ненадобно; но черезъ минуту она снова останавливается. У нея есть въ циркѣ любимая собака, которую зовутъ Г-нъ песъ и котъ, котораго зовутъ Г-нъ котъ,—и вотъ ей хотѣлось бы узнать объ ихъ участи.

*) См. № 8 „Игршечки“, 1881 года.

— А Г-нъ песъ и Г-нъ котъ пойдутъ съ нами?

— Пойдутъ—отвѣчаетъ Орсо и мычитъ отъ радости.

— Возьмемъ съ собою и хорошую книжку?

— Возьмемъ! говоритъ Орсо и мычитъ еще сильнѣе.

— Хорошо! щебечетъ дѣвочка.—Г-нъ котъ будетъ ловить намъ птичекъ, а Г-нъ песъ будетъ лаять, когда къ намъ приблизится какой-нибудь дурной человѣкъ; ты будешь мой мужъ, я твоя жена, а они будутъ наши дѣти.

Орсо такъ осчастливленъ, что даже не въ состояніи мычать; Дженни продолжаетъ:

— И г-на Гирша не будетъ, и цирка не будетъ, и мы не будемъ ничего дѣлать и только!.. Но нѣтъ! прибавляетъ она черезъ минуту—хорошая книжка говоритъ, что необходимо работать,—такъ иногда мы будемъ скакать для себя сквозь одинъ обручъ, сквозь два обруча, сквозь три обруча, сквозь четыре обруча.

Дженни очевидно не могла представить себѣ другой работы кромѣ скачковъ сквозь обручи.

Черезъ минуту она спрашивала снова:

— Орсо, я въ самомъ дѣлѣ буду всегда съ тобою?

— Да, Дженни.

Лицо его освѣщается при этихъ словахъ, и онъ становится даже привлекателенъ.

Да, онъ крѣпко любитъ эту бѣлокурую головку, одну только ее и любитъ въ обширномъ Вожьемъ мірѣ.

— Дженни!—говоритъ онъ черезъ минуту—послушай, что я тебѣ расскажу.

Дженни, которая только что привстала, желая взглянуть на коня, снова опустилась на колѣни и чтобы не потерять ни одного слова изъ разсказа, слушала опершись локотками о колѣни Орсо, положивши подбородокъ на обѣ ладони.

Въ эту минуту въ циркъ вошелъ Гиршъ въ дурномъ расположеніи духа; репетиція со львомъ ему не удалась. Старый звѣрь ни за что не хотѣлъ броситься на артиста и только жался въ уголь клѣтки. Директоръ былъ въ отчаяніи, если такое покорное настроеніе льва будетъ продолжаться вечеромъ, думалъ онъ, то представленіе съ бичемъ не удастся.

Расположеніе духа директора сдѣлалось еще хуже, когда негръ, продающій билеты въ раекъ, доложилъ ему, что индѣйцы хотя и толпятся около кассы, но вмѣсто денегъ предлагаютъ старыя попоны. А Гиршъ разсчитывалъ было на

полный сборъ,—чего не могло быть безъ публики въ райкѣ. Въ такомъ настроеніи входитъ онъ въ циркъ и видитъ скачущаго коня у парапета. Гдѣ же Орсо и Дженни? Заслонивъ рукой глаза отъ скользящихъ лучей солнца, директоръ всматривается въ глубину и замѣчаетъ въ свѣтлой полосѣ Орсо и Дженни, стоящую передъ нимъ на колѣняхъ,—тутъ Гиршъ опускаетъ конецъ бича на землю.

— Орсо!

Орсо вскочилъ какъ отъ удара молніи и бросился между скамейками на голосъ своего хозяина, за нимъ въ страхѣ направилась и маленькая Дженни.

Выбравшись на арену, Орсо остановился безмолвно у парапета. Сѣрый свѣтъ, падающій сверху, освѣщаль ясно его богатырскій станъ.

— Ближе! крикнулъ директоръ, сердито шурша концемъ бича по песку.

Орсо нервно шагнулъ впередъ, смотря прямо въ глаза взволнованному хозяину, который, войдя въ роль укротителя, намѣревался бить опаснаго звѣря, въ тоже время боялся раздражить его.

Но волненье беретъ верхъ надъ осторожностью. Онъ бросается впередъ...

— Ахъ! ты неблагодарный, шепчетъ директоръ.

Бичъ съ быстротой молніи описаль кругъ, засвисталь, зашипѣль и ударилъ. Орсо тихо взизгнулъ и сдѣлаль шагъ впередъ... удары посыпались... Представленье началось, хотя зрителей еще не было. Бичъ мелькаль въ воздухѣ и оставляль кровавые слѣды на шеѣ атлета.

Съ каждымъ ударомъ Орсо двигался на шагъ впередъ—директоръ отступалъ на шагъ назадъ. Когда такимъ образомъ они обошли всю арену, директоръ удалился какъ укротитель изъ клѣтки.

Уходя, онъ бросилъ взглядъ на Дженни и сказалъ.

— На коня!—Разсчеты послѣ.

Его голосъ еще раздавался, какъ бѣлая юбочка уже мелькнула въ воздухѣ и Дженни въ одно мгновенье вскочила на спину лошади. Директоръ исчезъ за занавѣской, конь началъ галопировать вокругъ, ударяя въ парапеть.

— Гопъ! Гопъ!—покрикивала Дженни тоненькимъ голоскомъ; но это гопъ! гопъ! походило на рыданье. Конь бѣжалъ все быстрѣе и стучаль копытами, потрясая головой все силь-

нѣе. Дѣвочка, стоя на сѣдлѣ съ прижатыми одна къ другой ножками, казалось, едва касалась его кончиками пальцевъ.

Ея розовыя ручки старались удержатъ равновѣсіе, отброшенные назадъ вѣтромъ волосы и газовая юбочка какъ будто гнались за ней, и ея воздушная фигура походила на птичку, порхающую въ воздухѣ.

— Гопъ! гопъ! — покрикивала она... а слезы заволакивали ей глаза, и она, только приподнявши голову, могла видѣть что-нибудь. Бѣгъ коня одурялъ ее, ряды нагроможденныхъ скамеекъ, и стѣны, и арена начали кружиться у нея въ глазахъ. Она зашаталась разъ, два и упала на руки Орсо.

— О, Орсо! бѣдный Орсо! — кричала дѣвочка, рыдая.

— Что съ тобой, Джи?! шепталь мальчикъ. — Чего ты плачешь? Не плачь, Джи! Мнѣ не больно, право не больно.

Дженни обняла его, и плачь перешелъ въ судорожное рыданье.

— Орсо—о, Орсо! повторяла она, и не могла сказать ничего больше. Она плакала такъ, какъ будто ее прибили. Орсо сталъ уговаривать ее.

— Мнѣ не больно—мнѣ хорошо, Дженни! Дженни!

Между тѣмъ директоръ ходилъ по конюшнямъ и въ немъ кипѣла досада. Ему захотѣлось побить Дженни за то, что она болтала вмѣсто того, чтобы упражняться въ новыхъ прыжкахъ. Черезъ минуту онъ позвалъ ее.

Дженни быстро вырвалась изъ рукъ атлета и въ мгновение исчезла въ темныхъ конюшняхъ. Орсо вмѣсто того чтобы идти за нею, тяжелой, неровной поступью дошелъ до скамьи и, усѣвшись на нее, тяжело дышалъ.

Дѣвочка, вбѣжавши въ конюшню, не замѣтила ни кого, тамъ было еще темнѣе, чѣмъ на аренѣ. Боясь, чтобы ее не обвинили въ неповиновеніи, она испуганно залепетала:

— Я тутъ!.. я тутъ, сударь!..

Директоръ схватилъ ее за руку, сказавши сердито:

— Пойдемъ!

Она упиралась, повторяя скороговоркой:

— Мистеръ Гиршъ, мой дорогой, мой милый, не буду, никогда не буду!

Онъ втащилъ ее въ комнату, которая служила складомъ для костюмовъ, и заперъ двери на ключъ.

Дженни бросилась на колѣни, дрожа какъ листъ, зали-

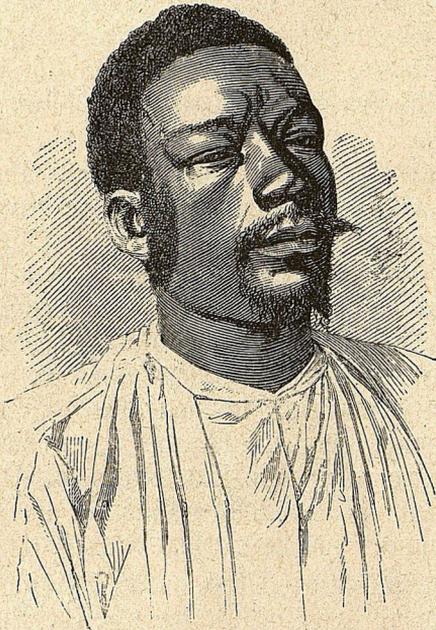
ваясь слезами, она пыталась умолить его; но онъ, снявши со стѣны хлысть, сказалъ:

— Ложись!...

Дѣвочка съ отчаяніемъ цѣплялась за его ноги; но напрасно прижималась она блѣдными устами къ его лакированнымъ голенищамъ. Ея страхъ раздражалъ его. Схвативши ребенка за поясъ юбочки, г. Гиршъ бросилъ ее на грудь платяевъ, лежавшихъ на столѣ, и ударилъ...

— Орсо! завопила дѣвочка.

Въ ту же минуту двери дрогнули и одна половина ихъ съ трескомъ рухнула на землю.

Въ проломъ стоялъ Орсо.

Хлысть выпалъ изъ руки директора, лицо его покрылось смертельной блѣдностью; Орсо глядѣлъ страшно...

— Прочь! крикнулъ директоръ, стараясь крикомъ скрыть страхъ свой.

Орсо, всегда покорный, — не отступилъ на этотъ разъ, склонивши голову, онъ зловѣщимъ шагомъ подвигался къ артисту—хозяину, какъ бы расправляя предварительно свои желѣзные мускулы.

— Спасите! спасите! завопилъ Гиршъ.

Его услышали.

Четыре громадныхъ негра вбѣжали изъ конюшенъ и бросились на Орсо. Началась страшная свалка; директоръ присматривался, скрипя зубами. Долгое время слышался только стонъ... Но вскорѣ одинъ изъ негровъ закачался въ воздухѣ и упалъ подлѣ директора, потомъ вылетѣлъ другой, а наконецъ надъ грудой сражающихся поднялся Орсо и направился къ директору.

Артистъ закрылъ глаза. И тутъ же почувствовалъ, что летить въ воздухѣ, а далѣе уже не чувствовалъ ничего, уда-

рившись объ уцѣлѣвшую половину двери, онъ упалъ безъ памяти на землю.

Орсо отеръ лицо и подошелъ къ Дженни.

— Пойдемъ! произнесъ онъ коротко, взявъ ее за руку, и они вышли.

Весь городъ тянулся за процессіей воевъ и машиной, играющей „Янки Дудль.“ Около цирка было пусто, только попугаи, качаясь въ обручахъ, наполняли воздухъ крикомъ. Дѣти шли рука объ руку туда, гдѣ виднѣлось необозримое

поле кактусовъ. Молча прошли они мимо домовъ, укрывавшихся подъ тѣнью евкалиптовъ, прошли мимо городской скотобойни, около которой кружились тысячи черныхъ скворцевъ съ красными крыльями, перескочили черезъ большой ирригаціонный ровъ, вошли въ лѣсокъ померанцевыхъ деревьевъ и, выйдя изъ него, очутились среди кактусовъ.

Тутъ начиналась уже пустыня.

На необозримомъ пространствѣ громоздились все выше и выше группы колючихъ растений, переплетенные листья, вырастающіе изъ другихъ листьевъ, цѣплялись колючками за платье Дженни. Иногда кактусы возвышались такъ, что дѣти были какъ бы въ лѣсу, гдѣ нельзя было замѣтить ихъ. Такъ они шли, поворачивая то направо, то налево. Тамъ, гдѣ пирамиды кактусовъ становились ниже, возвышались голубоватая горы св. Анны. Они шли въ гору. Жара была ужасная. Сѣрая саранча кишела въ кактусахъ, солнечные лучи лились потокомъ, высохшая земля растрескалась, иглистые листья кактусовъ, казалось, размякли отъ жары, а цвѣты обмерли и какъ бы полузавяли. Дѣти шли молча и въ раздумьѣ. Все, что ихъ окружало, было такъ ново, что вскорѣ они вполнѣ отдались впечатлѣнію и даже забыли объ усталости. Взглядъ Дженни перебѣгалъ отъ одной группы кактусовъ къ другой, и отъ времени до времени она тихо спрашивала товарища:

— Это, Орсо, и есть пустыня?

Однако это мѣсто не казалось пустынею, — тутъ слышны были крики куропадокъ, и долетали самые разнообразные звуки: трескъ, ворчанье малыхъ звѣренушекъ, обитающихъ въ кактусахъ. По временамъ взлетала цѣлая стая куропадокъ, хохлатые турухтаны удирали на своихъ длинныхъ ногахъ, черныя вѣшки прятались въ свои подземныя норки, шныряли зайцы, кролики и посвистывали суслики...

Отдохнувши съ часъ, дѣти пошли дальше. Дженни вскорѣ захотѣлось пить, Орсо, въ которомъ пробудилась изобрѣтательность индѣйца, нарвалъ плодовъ кактуса. Ихъ было множество, они выросли изъ листьевъ вмѣстѣ съ цвѣтами и кололи пальцы тонкими колючками, — кисловато-сладкіе, они утолили разомъ и жажду, и голодь. Пустыня накормила дѣтей, какъ мать. Подкрѣпивши силы, они пошли дальше. Кактусы громоздились все выше и выше. Дорога, по которой шли юные друзья, возвышалась постепенно. Взглянувши съ

горы, они увидѣли Анагеймъ, раскинувшійся вдали, какъ группа деревьевъ по степи. Цирка не было и слѣда. Окрестность начала принимать другія формы. Между кактусами появлялись различные кустарники и даже деревья. Началась лѣсистая часть подножья Св. Анны. Орсо сломалъ одно изъ маленькихъ деревьевъ и, оборвавъ вѣтви, сдѣлалъ изъ него дубину. Солнце постепенно клонилось къ закату. Его огненный щитъ уже исчезалъ далеко за Анагеймомъ и спускался въ океанъ. Вечерняя заря покрыла небо длинными полосами. Горы алѣли, при ея отблескѣ, кактусы принимали разныя фантастическія формы, похожія на людей или животныхъ. Дженни чувствовала утомленье, ее клонило ко сну, но они спѣшили въ горы, хотя и не знали для чего. Вотъ передъ ними и скалы, и рѣка. Напившись воды, они пошли далѣе вдоль русла. Между тѣмъ скалы, въ началѣ разбросанныя, смѣнились сплошными стѣнами, стѣны росли и росли, — и наши путники вошли въ ущелье.

Заря гасла; мракъ охватывалъ землю. Мѣстами лианы, переплетаясь, раскинули живой сводъ надъ рѣкою, — тутъ было темно и страшно. Съ горы о чемъ-то шумливо шептали деревья, ихъ нельзя было видѣть изъ долины. Орсо догадывался, что тамъ лѣсная чаща, навѣрное переполненная дикими звѣрями. Отъ времени до времени доносились различные подозрительные голоса, а когда наступила ночь, то слышался выразительный визгъ молодыхъ барсовъ, рычанье кугуаровъ и плаксивые голоса филиновъ.

— Боишься, Дженни? спрашивалъ Орсо.

— Нѣтъ! отвѣчала дѣвочка.

Но она была измучена такъ, что не могла идти дальше; Орсо взялъ ее на руки и понесъ. Онъ неутомимо шель впередъ въ надеждѣ набрести на какого-нибудь поселенца или на палатки мексиканцевъ. Раза два ему казалось, что онъ видитъ вдали свѣтящіеся глаза дикаго звѣря, и онъ сжималъ свою палку. Орсо тоже былъ сильно измученъ. Несмотря на громадную силу, ему было трудно нести Дженни, онъ держалъ ее на лѣвой рукѣ, что бы правую имѣть на готовѣ для обороны въ случаѣ необходимости. Минутами онъ останавливался, переводилъ духъ, и шель дальше. Иногда Орсо внимательно прислушивался. Ему казалось, что издали до него доносятся отголоски звонковъ, которые поселенцы привязываютъ на ночь къ шеѣ коровъ и козъ. Поспѣшно дви-

гаясь впередъ, онъ вскорѣ дошелъ до изгиба рѣки. Отголо-сокъ звонковъ слышался все яснѣе и яснѣе,—наконецъ до-несся лай собаки. Тутъ Орсо показалось несомнѣннымъ, что они приближаются къ человѣческому жилищу. Это была рѣшительная минута, силы стали измѣнять ему.

Онъ обошелъ еще поворотъ и увидѣлъ свѣтъ,—костеръ, собаку, которая, очевидно, привязанная къ пню, рвалась и лаяла, а вотъ сидитъ и человѣкъ у костра.

— Дай Боже, чтобы это былъ человѣкъ изъ „хорошей книжки“, подумаль онъ.

Тутъ Орсо рѣшился разбудить Дженни.

— Джил!—закричалъ онъ,—проснись.

— Что такое? спросила дѣвочка.—Гдѣ мы?

— Въ пустынь.

Она совсѣмъ пробудилась.

— А тамъ что за свѣтъ?

— Тамъ живетъ какой-то человѣкъ. Насъ накормятъ.

Бѣдный Орсо былъ очень голоденъ.

Они были уже вблизи костра. Собака лаяла все громче, а сидящій у костра старикъ, заслонивъ глаза рукой, вглядывался и спросилъ, спустя минуту:

— Кто тамъ?

— Это мы—отвѣчала тоненькимъ голоскомъ Дженни—намъ очень хочется ѣсть.

— Подойдите поближе, произнесъ старикъ.

Дѣти приблизились. Старикъ глядѣлъ на нихъ задумчивымъ взоромъ и изъ его устъ невольнo вырвалось восклицаніе.

— Что это такое?

Старикъ видимо былъ удивленъ.

На Орсо и Дженни были костюмы цирка. Прелестная дѣвочка, одѣтая въ розовое трико и газовую юбочку, казалась при отблескѣ костра фантастическимъ видѣніемъ, за ней стоялъ коренастый мальчикъ, одѣтый также въ трико тѣлеснаго цвѣта, обрисовывающее его сильныя мускулы.

Старый поселенецъ глядѣлъ во всѣ глаза на стоявшихъ передъ нимъ.

— Кто вы такіе? спросилъ онъ.

Дженни начала щебетать:

— Мы изъ цирка, добрый г-нъ! Гиршъ сильно избилъ Орсо и хотѣлъ бить и меня, но Орсо не далъ меня въ обиду

и самъ побилъ и Гирша, и четырехъ негровъ, а потомъ мы ушли въ пустыню и долго — долго шли среди кактусовъ. Орсо несъ меня, потомъ мы пришли сюда, и намъ очень хочется ѣсть.

Лицо старика-пустынника постепенно разъяснялось, взоръ ласково остановился на прелестномъ ребенкѣ, который такъ спѣшилъ говорить, какъ будто однимъ дыханіемъ хотѣлъ высказать все.

— Какъ тебя зовутъ, малютка? спросилъ онъ.

— Дженни.

— Привѣтъ тебѣ, Дженни, и тебѣ, Орсо! Я рѣдко вижу людей.

— Подойди ко мнѣ, Дженни.

Малютка неожиданно обвила рученками шею старика и искренно поцѣловала его. Онъ казался ей старикомъ изъ „хорошей книжки“.

— А что Гиршъ насъ тутъ не найдетъ?—спрашивала дѣвочка.

— Гдѣ тамъ найти! отвѣтилъ старикъ. А черезъ минуту прибавилъ.

— Вы говорите, что вамъ хочется ѣсть?

— О! ужасно!

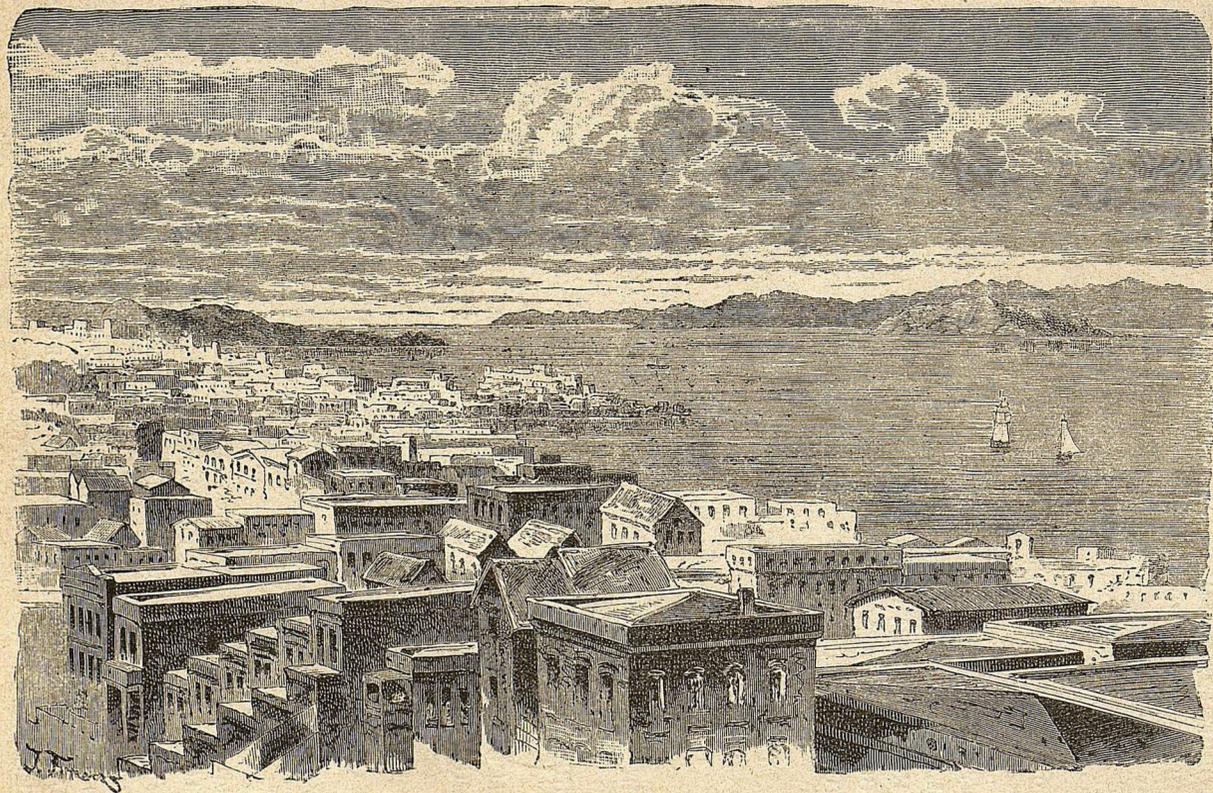
Поселенецъ, порывшись въ золь, вынулъ оттуда жареное бедро оленя, запахъ котораго разлился вокругъ.

Ночь была роскошная; на небѣ высоко надъ ущельемъ выплылъ мѣсяцъ; въ чащѣ зашѣли дрозды, огонь трещалъ весело, Орсо началъ мычать отъ радости. Оба они—и онъ, и дѣвочка ѣли какъ ѣдятъ голодныя дѣти—только старый пустынный не могъ ѣсть и неизвѣстно почему глядѣлъ на Дженни глазами полными слезъ.

Можетъ быть онъ былъ когда-то отцемъ, а можетъ быть давно не видалъ людей.

Съ этой минуты бездомныя, заброшенныя дѣти нашли отца и всѣ трое зажили вмѣстѣ трудовой жизнью, полной тревогъ и опасностей, но свободной и привлекательной...

А. С.

С. ФРАНЦИСКО.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 февраля 1881 г.

Типографъ А. С. Сувогина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.